

Научная статья / Research Article

УДК 339.1 (571.1) 09

DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-305-320

Дмитрий Владимирович Колупаев<sup>1</sup>, Владимир Юрьевич Инговатов<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия

<sup>1</sup> kolupaev\_dmitrij@mail.ru

<sup>2</sup> Ingvlad@mail.ru

### ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ. ЖУРНАЛ «ЕВРОПЕЕЦ» Л.П. БЛЮММЕРА

*В статье рассматриваются события из истории русской эмигрантской прессы на примере журнала «Европеец» Л.П. Блюммера. Леонид Петрович Блюммер (1840–1888 гг.) родился в Крыму, в местечке Еникале, под Керчью. Его отец был офицером действующей армии на Кавказе и происходил из дворян Тамбовской губернии. Предки семьи Блюммеров приехали в Россию из Швейцарии. В семье также была младшая сестра Антонина, известная впоследствии в демократических кругах Петербурга своим салоном. Л.П. Блюммер в 1857 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1861 г. со степенью кандидата права. Осенью 1861 г. Леонид Блюммер отбыл за границу, где с начала 1862 г. стал издавать в Берлине журнал «Свободное слово», главным редактором которого был он сам. Характер и направление журнала были обозначены его подзаголовком «Русский политический орган». Автор статьи задается вопросом, каким образом относительно малоизвестный и совсем еще молодой человек мог стать во главе пропагандистского издания, позиционировавшего свои публикации как политическую позицию русских конституционалистов? Архив III отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, в задачу которого входило наблюдение за политическими и социальными настроениями в России, имеет дело № 110, озаглавленное: «О кандидате прав Московского университета Л. Блюммере, предполагающем издателя в Берлине журнала "Свободное слово"». В нем дается следующая характеристика Л.П. Блюммеру: «Начал в 1862 г. издавать журнал «Свободное слово», статьи которого направлены против самодержавия и нашего правительства, стремились к ниспровержению в России существующего порядка». Покровители Л.П. Блюммера и источники финансирования его журнала до сих пор неизвестны. При рассмотрении дела самого Л.П. Блюммера жандармские офицеры докладывали своему начальству, что заграничный паспорт Л. Блюммеру с пятилетним сроком пребывания за границей выхлопотал Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор А.А. Суворов. Связи князя А.А. Суворова с кругами русского общества, требовавших реформ, прослеживаются как в переписке лиц радикально настроенных, так и в донесениях штаб-офицеров жандармского корпуса. Что касается средств на издание журнала, то, по мнению жандармов III отделения, Л.П. Блюммер получал их из России. В рапорте об обыске квартиры Антонины Блюммер говорится: «...квартира является местом собрания всех тех лиц, которых можно было более или менее подозревать в распространении революционных идей; брат Блюммер, удалившись в Берлин, издает там известную газету «Свободное слово», получает на это из России деньги». На*

© Колупаев Д.В., Инговатов В.Ю., 2022

Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 305–320.

Socio-economic and humanitarian journal. 2022;(3): 305–320.

Л.П. Блюммера было заведено дело в Санкт-Петербургском уголовном суде, куда были доставлены четыре номера его нового печатного издания «Европеец». От III отделения судебные органы попросили характеристики журнала «Европеец». Ответ содержал следующие характеристики: «Журнал «Европеец» того же преступного направления, как и журнал его «Свободное слово». По мнению автора, все вышеизложенные высказывания царских жандармов носят исчерпывающий характер для уяснения роли и места Л.П. Блюммера в русском освободительном движении эпохи начала 1860 г.

**Ключевые слова:** русская эмигрантская пресса, либеральное движение в России, Л.П. Блюммер, журнал «Европеец», история русской политической журналистики, спецслужбы Российской империи XIX века

**Для цитирования:** Колупаев Д.В., Инговатов В.Ю. Из истории русской эмигрантской прессы. Журнал «Европеец» Л.П. Блюммера // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. 305–320. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-305-320.

**Dmitry Vladimirovich Kolupaev<sup>1</sup>, Vladimir Yurievich Ingovатов<sup>2</sup>**

<sup>1,2</sup> Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, Barnaul, Russia

<sup>1</sup> kolupaev\_dmitrij@mail.ru

<sup>2</sup> Ingvlad@mail.ru

### **FROM RUSSIAN EMIGRANTS' PRESS HISTORY. L.P. BLUMMER'S "THE EUROPEAN" MAGAZINE**

*The paper deals with events from the history of the Russian émigré press on the example of L.P. Blummer. Leonid Petrovich Blummer (1840–1888) was born in the Crimea, in the town of Yenikale, near Kerch. His father was an officer in the army in the Caucasus and came from the nobility of the Tambov Province. The ancestors of the Blummer family came to Russia from Switzerland. The family also had a younger sister Antonina, later known in the democratic circles of St. Petersburg for her salon. L.P. Blummer entered Moscow University in 1857, graduating in 1861 with a degree in law. In the autumn of 1861, Leonid Blummer went abroad, where from the beginning of 1862 he began to publish the “Free Word” journal in Berlin, being himself the editor-in-chief. The nature and direction of the journal were indicated by its subtitle “Russian Political Organ”. The author of the paper wonders: how could a relatively little-known and still very young man become the head of a propaganda publication that positioned its publications as the political position of Russian constitutionalists? The archive of the III branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, whose task was to monitor political and social moods in Russia, has file No. 110, entitled: “On the candidate of rights of Moscow University L. Blummer, who is supposed to be the publisher in Berlin of the “Free Word” journal”. It gives the following characterization of L.P. Blummer: “In 1862 he began to publish the Free Word journal, whose articles were directed against the autocracy and our government, sought to overthrow the existing order in Russia.” L.P. Blummer's patrons and the sources of funding for his journal are still unknown. When considering the case of L.P. Blummer, gendarmerie officers reported to their superiors that a foreign passport for L. Blummer with a five-year stay abroad was procured by the St. Petersburg military governor-general A.A. Suvorov. Connections of Prince A.A. Suvorov with circles of Russian society that demanded reforms can be traced both in the correspondence of radical people and in the reports of the headquarters officers of the gendarmerie corps. As for the funds for the publication of the magazine, then, according to the gendarmes of the III department, L.P. Blummer received them from Russia. The report on the search of Antonina*

*Blummer's apartment says: "... the apartment is a gathering place for all those people who could be more or less suspected of spreading revolutionary ideas; Blummer's brother, having retired to Berlin, publishes the well-known newspaper Free Word there, receives money from Russia for this. Proceedings were instituted against Blummer by the St. Petersburg Criminal Court, where four issues of his new printed edition "The European" were delivered. The judicial authorities asked from the III branch for characteristics of the "The European" magazine. The answer contained the following characteristics: "The European" magazine is of the same criminal trend as his "Free Word" journal. According to the author, all the above statements of the royal gendarmes are exhaustive in order to clarify the role and place of L.P. Blummer in the Russian liberation movement of the early 1860s.*

**Keywords:** Russian emigrant press, liberal movement in Russia, L.P. Blummer, "The European" magazine, history of Russian political journalism, special services of the Russian Empire of the 19th century

**For citation:** Kolupaev D.V., Ingovatov V.Y. From Russian emigrants' press history. L.P. Blummer's "the European" magazine // Socio-economic and humanitarian journal. 2022. № 3. S. 305–320. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-3-305-320.



**Введение.** Данная статья представляет собой первый опыт по написанию исторического исследования, посвященному вопросу деятельности русской эмигрантской прессы в середине XIX века. В современной историографии этой теме посвящены только работы из истории журнала «Колокол» А. Герцена и П. Огарева. История изданий Л.П. Блюмера отсутствует в отечественной историографии, во всяком случае, в подробном изложении. Материал, представленный в публикуемой статье, основывается на источниках «Секретного архива» (СА) первой русской специальной службы – архива III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Леонид Петрович Блюмер (1840–1888 гг.) родился в Крыму, в местечке Еникале, под Керчью. Его отец был офицером действующей армии на Кавказе и происходил из дворян Тамбовской губернии. Предки семьи Блюмеров приехали в Россию из Швейцарии. В семье также была младшая сестра Антонина, известная впоследствии в демократических кругах Петербурга своим салоном. Л.П. Блюмер в 1857 г. поступил в Московский университет, который окончил в 1861 г. со степенью кандидата права. Осенью 1861 г. Леонид Блюмер отбыл за границу, где с 1862 г. стал издавать в Берлине журнал «Свободное слово», являясь его главным редактором. Характер и направление журнала были обозначены его подзаголовком «Русский политический орган».

**Цель исследований.** Изучить роль и место Л.П. Блюмера в русском освободительном движении эпохи начала 1860-х гг. Показать, каким образом относительно малоизвестный и совсем еще молодой человек мог стать во главе пропагандистского издания, позиционировавшего

свои публикации как политическую позицию русских конституционалистов.

**Результаты исследований и их обсуждение.** Архив III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в задачу которого входило наблюдение за политическими и социальными настроениями в России, имеет дело № 110, озаглавленное: «О кандидате прав Московского университета Л. Блюммере, предполагающем издательстве в Берлине журнала «Свободное слово». В нем дается следующая характеристика Л.П. Блюммеру: «Начал в 1862 г. издавать журнал «Свободное слово», статьи которого направлены против самодержавия и нашего правительства, стремились к ниспровержению в России существующего порядка» [1, л. 3]. Покровители Л.П. Блюммера и источники финансирования его журнала до сих пор неизвестны. При рассмотрении дела самого Л.П. Блюммера жандармские офицеры докладывали своему начальству, что заграничный паспорт Л. Блюммеру с пятилетним сроком пребывания за границей выхлопотал Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор А.А. Суворов [1, л. 4; 5, 5об.]. Связи князя А.А. Суворова с кругами русского общества, требовавших реформ, прослеживаются как в переписке лиц радикально настроенных, так и в донесениях штаб-офицеров жандармского корпуса. Что касается средств на издание журнала, то, по мнению жандармов III отделения, Л.П. Блюммер получал их из России. В рапорте жандармов об обыске квартиры Антонины Блюммер говорится: «...квартира является местом сборища всех тех лиц, которых можно было более или менее подозревать в распространении революционных идей; брат Блюммер, удалившись в Берлин, издает там известную газету «Свободное слово», получает на это из России деньги» [2, л. 1].

На Л.П. Блюммера было заведено дело в Санкт-Петербургском уголовном суде, куда были доставлены четыре номера его нового печатного издания «Европеец». От III отделения судебные органы попросили характеристики журнала «Европеец». Ответ содержал следующие характеристики: «Журнал «Европеец» того же преступного направления, как и журнал его «Свободное слово» [1, л. 10]. На наш взгляд, все вышеизложенные высказывания царских жандармов носят исчерпывающий характер для уяснения роли и места Л.П. Блюммера в русском освободительном движении эпохи начала 1860-х гг.

Прежде чем начинать свое новое издание «Европеец», осенью 1863 г. Л.П. Блюммер участвовал в конгрессе представителей свободной прессы в Бельгии, в городе Генте. Его попытки найти общий язык и организовать совместный издательский проект с князем П.В. Долгоруковым не увенчались успехом. Причины этой неудачи заключаются в том, что Л.П. Блюммер представлял собой, а возможно и выполнял определенные политические задания, агента своеобразной либерально-консервативной группы в русском освободительном движении начала

1860-х гг. Эта группа людей, интересы которых условно выражали комитет «Великорусс» и партия «Земской думы», стремившихся, с одной стороны, продолжить и углубить инициированные царским правительством реформы и повести Россию по европейскому пути социально-политического и экономического развития, с другой стороны, эта группа в общественно-политическом движении российского общества хотела приостановить радикализацию освободительного движения, направить его в легальные политические рамки. Была и третья сторона – стремление противостоять реакционным контрреформаторским тенденциям в окружении императора Александра II, нарастающим по мере развития и подавления восстания в Польше в 1863–1864 гг. Для осуществления этих задач и необходим был печатный орган, который бы пропагандировал идеи просвещенного «западничества», демократии, свободы, экономического либерализма в сочетании с необходимостью роста национального самосознания в русском обществе.

Красноречиво эти задачи иллюстрирует редакционная статья в первом номере журнала «Европеец» (само название характеризует цели и программу издания), вышедшего в начале февраля 1864 г. в Дрездене. В статье приводятся следующие положения: «...Наша цель не народность и самобытность, а свобода и просвещение...Мы любим самобытность, но не принесем ей в жертву то, что всем человечеством, всей человеческой историей признано за хорошее и разумное. Вот почему наш орган носит название "Европеец". Между нами и другими народниками будет то различие, какое существует между русским европейцем и русским азиатом, между свободным человеком, понимающим смысл и влияние нравственного развития, и человеком – рабом, который пресмыкается перед пятою сильного, перед ярмом предрассудков, перед неразумными требованиями и вкусами большинства...Благое, выработанное прежде нас другими народами, было благом и для нас...нам нечего бояться и потери своей самобытности, потому что все то, что мы можем взять у европейцев, вовсе не пригнет национальную своеобразность, а еще даст возможность ей высказаться и развиваться...Смысл и значение европеизма, того просвещения, которое мы ценим так высоко, именно отмечается борьбою против всякого деспотизма и нетерпимости, потому что они служат препятствиями для нравственного и материального развития...Не ново и учение, обуславливаемое этим названием: его проповедовали два могучих борца – Белинский и Грановский» [3, с. 3].

Сама первая редакционная статья говорит о ясности цели издания – о европеизации России. Но автор статьи (скорее всего, сам Л.П. Блюммер, являющийся главным редактором журнала) видит этот процесс не как имитацию европейского жизнеустройства (идеал российской бюрократии вплоть до сегодняшнего дня) и не как потерю самобытности (тезис славянофилов), а как творческий процесс перенятия передового

опыта и переработки его применительно к местным российским условиям во имя свободы и просвещения.

К середине 1860-х гг. наиболее дальновидным представителям российской общественности, а к ним, на наш взгляд, явно относится Л.П. Блюммер, стали ясны истинные цели реформаторской политики Александра II – приукрашивание фасада империи, а не желание структурных изменений в стране для выхода России из общенационального кризиса. При этом сама редакция «Европейца» отнюдь не переоценивает тот процесс общественного развития, который имеется в означенный период в стране. В материалах журнала достаточно точно анализируется общий фон настроений в русском обществе в середине 1860-х гг. Говорится о том, «...что Герцен потерял все свое влияние, и если он читается, то только по привычке и как запрещенный плод, который всегда кажется вкусным» [3, с. 3]. «Европеец» констатирует, что в настоящий момент «...Катков идеал большинства, особенно московского и провинциального. Вместо всякого возражения на ваши возражения говорят: это сказал Катков. И Каткову все позволено писать...Одним словом в России гадость страшная; со времени пожаров и прокламаций "Молодая Россия" мы сделали по крайней мере сто шагов назад» [3, с. 3].

Здесь ясно показан процесс наступления контрреформ. Авторы издания прямо намекают на основных противников углубления демократизации русской общественной жизни. С одной стороны, это реакционеры из правительства, устроившие пожары в Петербурге в мае 1862 г. с целью обвинить в них «нигилистов» (здесь уместно вспомнить знаменитую фразу А.И. Герцена по этому поводу – «Поджигателей вне полиции не нашли, а в полиции не искали»); с другой стороны, предтечи будущих террористов и большевиков – авторы прокламации «Молодая Россия», жаждущие для счастья народа вырезать 100 тысяч человек. Как известно, крайности сходятся. И тем и другим не по вкусу гласный, легальный способ политической жизни, разрешения социальных проблем. Система – имперская бюрократия – и антисистема – нарождающиеся революционеры-террористы – явно борются с просвещением. Последняя, если сможет утвердиться в России, и тех и других лишит возможности для саморазвития.

Развитие же демократии в России невозможно без создания того общественного слоя, который является его основой. То есть без широкого слоя собственников, экономически независимых людей, которые сами способствуют своей деятельностью прогрессивному развитию страны и ее политической системы. Анализируя состояние экономики России в 1864 г., системы баланса векселей как индикатора экономического развития, редакция «Европейца» приходит к следующим выводам: «Состояние нашей биржи обусловлено, по преимуществу, внутренними обстоятельствами России...Государственный банк отказывается выплачивать свои обязательства звонкою монетою, и общество поминутно кричит –

денег мало! денег нет! – Что же это значит? – Это есть нечто иное, как ясное выражение отсутствия у нас кредита, зависящего вполне от государственной системы, существующей в стране...Кредит не может явиться в стране, в которой царит произвол, растрачивающий народное богатство» [4, с. 5].

Здесь авторы публикации ясно указывают причины экономических неурядиц в стране – отсутствие кредита. На это указывал правительству России Н.А. Серно-Соловьевич, говоря в своих статьях о том, что «в России кредит давно стал привилегией» [10, с. 117]. На это указывалось императору Александру II в адресе Тверского дворянского собрания, когда поднимался вопрос о необходимости создания Земских банков с целью выхода дворянских хозяйств из экономического тупика. «Европеец» ставит вопрос перед самим российским правительством. Во имя чего оно проводит реформы? Во имя самих реформ? Или для придания лоска «цивилизованности» прогнившему в своем основании зданию империи? Как могут проводиться в стране буржуазно-либеральные реформы без наличия самой буржуазии и либерального способа экономического развития? Редакция журнала вопрошает саму российскую власть «...спросила ли она – есть ли необходимые "свободные капиталы" – и если их нет, – позаботилась ли она о создании кредита, то есть о правильной и твердой его организации?» [4, с. 5].

В самом вопросе, с которым редакция «Европейца» обращается к правительству императорской России, слышится вариант ответа – почему в России реформы носят половинчатый характер. В такой ли уж мере в России «правительство первый европеец», как уже более 150 лет повторяет отечественная пресса фразу А.С. Пушкина? Здесь редакторы журнала почти поставили точный диагноз бюрократическому псевдореформаторству в России – стремление создать европеизированную надстройку в стране, без соответствующего базиса, что неизбежно приведет к новому социально-политическому кризису в России, еще больше запутав общественно-политическую ситуацию в стране. Л.П. Блюммер явно выступает на страницах своего журнала предтечей русской передовой буржуазии, стремящейся к созданию новой, действительно европеизированной России и готовой помочь правительству своей страны в этом деле. Разумеется, при условии, что само правительство хочет того же.

В том же номере журнала вызывают любопытство рассуждения редакции «Европейца» о социально-психологической установке современного ему российского общества на провозглашенный правительством в период наступившей судебной реформы курс на «гласность и диктатуру закона» в стране. Авторы журнала пишут: «...В России самые просвещенные и умные люди убеждаются в невозможности идти прямым путем. Для каждого, кто проникнут какой-нибудь общественной идеей, необходимо скрывать само ее существование, чтобы иметь малейшую надежду на ее осуществление...Купец уверен, что русские зако-

ны существуют для того, чтобы их обходить, что именно то только в России выгодно, хорошо, что запрещено законами...Писатель наделен способностью видимо говорить не то, что хочет сказать. Такая канитель тянется всюду, им проникнуто общество до конца ногтей, словом, так называемая европейская "законность" не в русских нравах; для них люб азиатский произвол, азиатская ложь» [4, с. 7].

Приведенное высказывание хоть и несколько цинично, но вместе с тем ясно отражает суть того явления, о котором говорит. Пресловутый тезис о том, что «в России суровость законов сглаживается необязательностью их исполнения», оборачивается во многих случаях циничным отношением самого населения России к тем нормам, которые диктует официальная власть. Зачем следовать закону, если ему многое неподвластно? Где тот механизм, что приводит закон в действие? Точнее, где почва, на которой законность может развиваться? Разве принятие законов, аналогичных имеющимся в европейских странах, может изменить Россию в сторону европеизации, если в ней самой практически отсутствуют те общественные условия и те социальные слои, которые сделали возможными развитие правовой системы в Европе. И как в таких условиях будет функционировать в России новый тип суда, провозглашенный реформой 1864 г. В заметках о суде присяжных редакционная статья третьего номера «Европейца» приводит следующие суждения. «Не от формы, которую введет новый судебный устав, не от заботы назначить превосходнейших судей, не от расширения власти государственных прокуроров зависит отправление правосудия. Наилучшие формы тогда только имеют надлежащее значение, когда в этих формах живет дух, заставляющий их служить победе права» [5, с. 9]. Этот дух торжества системы права видится авторами журнала только на пути дальнейшего углубления социально-политических и экономических преобразований в России.

Характеризуя указ о создании земства в нечерноземных губерниях, авторы журнала считают, что «...им начинается эпоха провинциальной самостоятельности и самоуправления, хотя в тесном, только в хозяйственном значении этих слов» [5, с. 10].

По мере выхода номеров журнала четче вырисовывается позиция редактора Л.П. Блюммера и его сторонников в контексте общероссийского освободительного движения. «Европеец» явно позиционирует себя в своих статьях в центре всего оппозиционного движения, стремясь не закрывать пути к сотрудничеству с правительством, если последнее решит продолжить реформаторский путь. В редакционной статье очередного номера провозглашается кредо журнала в системе общероссийского оппозиционного движения. «Мы хотим быть не народом демократическим, а народом свободным...Есть минуты в жизни государства, когда уступки консервативным интересам бывают полезны, когда мудрые правители, желая уменьшить недовольство одной части народонаселе-

ния, считают необходимым поручить ей на время управление страной» [6, с. 2]. Из этих слов видно, что «Европеец» как бы провозглашает возможность политического сосуществования либеральных и консервативных элементов в России на манер английской политической системы. Но здесь Л.П. Блюммер поднимает вопрос о качестве и самом наличии в России консерватизма. Вопрос актуальный, вплоть до сегодняшнего дня. «Мы не можем похвалиться не скорым ведением реформ, ни радикальностью последних. Наша общественная жизнь не богата событиями, могущими возбудить опасения наших консерваторов...И главное: есть ли у нас консерватизм сознательный, со своею собственной программой» [6, с. 25].

Как и положено «западнику», журнал «Европеец» в своих публикациях ставит основной вопрос о возможности развития России по европейскому пути – есть ли в стране собственники? А если и есть в лице помещиков, то каково положение последних в системе общероссийского землепользования. Журнал ставит вопрос, как при наличии системы почти всеобщей чересполосицы земельных наделов и крестьян, и помещиков решается проблема собственности в стране. «...Зло, как и все в мире, имеет характер общего или частного факта...Лучшим доказательством справедливости этих слов служит так называемая чересполосица. Это факт частный, не везде в России существующий, но он имеет громадное влияние на полное окончание споров крестьян с помещиками. Ни в литературе, ни в правительственных сферах он не вызвал обстоятельного обсуждения, и едва ли не один Тургенев намекнул о нем, испытав всю нелепость и тяжесть чересполосицы по своему орловскому имению...Что крестьяне должны были обратиться в вольных граждан – земледельцев и получить поземельный надел – в этом едва ли кто сомневался и толковать об этом не было необходимости; но нужно было указать на средства замены обязательного труда – трудом вольным, и на возможность наделить крестьян землей в самом большом размере – только без сполации относительно помещика. Свобода и материальное благосостояние должны существовать не для некоторых, не для многих, а для всех...А могло ли состояться правильное и справедливое обращение крестьян в вольных граждан, землевладельцев, действительное их освобождение – без предоставления народному хозяйству средств идти рациональным и прогрессивным путем? Мог ли состояться законный надел крестьянину, когда не было правильных границ одного имения от другого, когда земли разных помещиков и крестьянских обществ были перемешаны в расыпанную? Чтобы освободить крестьянина, сделать его вполне независимым, необходимо было сделать его собственником, землевладельцем» [7, с. 29].

Здесь Л.П. Блюммер, касаясь в принципе частного вопроса аграрной проблемы в России – чересполосицы помещичьих и крестьянских земель, ставит главный вопрос прошедшей крестьянской реформы 1861 г.

Стал ли русский крестьянин собственником – землевладельцем, то есть тем экономическим элементом, из которого по классической европейской политэкономической схеме вырастает свободный человек – опора демократии? При этом Л.П. Блюммер как бы незаметно касается почти неизвестного отечественной публицистике вопроса: как была проведена реформа 1861 г. касательно самих помещиков? Говоря о «споляции относительно помещика» автор «Европейца» явно намекает на тот факт, что 25 % помещичьих земель по реформе 1861 г. были фактически отрезаны у владельцев поместий императорским указом с возмещением им по произвольно установленной имперским правительством цене. Не возврат ли это к практике XV–XVI вв., когда поместья даровались царем кому ему было угодно, а потом царской же волей забирались. Если так имперская бюрократия обращается с опорой трона – дворянством, то что тогда ждать русскому крестьянину от российского правительства. Подобные методы проведения реформ явно тормозят процесс утверждения в стране капиталистических отношений, о чем Л.П. Блюммер постоянно говорит в своих журнальных публикациях. «...Чтобы небесплодно рассматривать финансовый кризис в России, необходимо, прежде всего, поставить следующие положения: если Россия и не нищенская страна в Европе, то экономически одна из самых неразвитых. Природные богатства России пока ничего не стоят, потому что они не разрабатываются. Со времени освобождения крестьян или еще раньше – со времени Крымской войны, потребности нашего народного хозяйства возросли, а способы удовлетворения их уменьшились. Крестьянская реформа при условиях, в которых она была совершена, только подорвала народное хозяйство. У него при недостатке других капиталов был отнят тот капитал, который значился в рабочих руках, в обязательном труде. Поэтому, прежде всего, нужно заботиться о восстановлении нарушенного равновесия в народном хозяйстве, придании ему силы капиталом, который дал бы России экономически развиваться. Капитал свободный порождает капитал постоянный, существующий в форме зданий всякого рода, имеющих хозяйственное значение, в форме машин, орудий поземельных улучшений, каналов, дорог, массы технических сведений, распространенных в промышленном классе. Наш кризис состоит в отсутствии свободных и постоянных капиталов» [7, с. 29]. Приведенные строки по своему смыслу актуальны и поныне. В их содержании слышится призыв к российскому правительству о продолжении реформ, о наполнении их смыслом, о путях выхода из структурного кризиса, в первую очередь на путях экономического развития страны. Идеология этого выхода лежит в идеях русского либерализма, русского варианта фритредерства, открывающего путь к свободному развитию в России капитализма.

Критикуя правительство за недостаточность и половинчатость реформ «Европеец» поддерживает те шаги петербургских реформаторов,

которые объективно способствуют общественному прогрессу. В первую очередь это относится к судебной реформе, к суду присяжных. Полемизуя с противниками этого нововведения, «Европеец» пишет: «...У нас нет элементов для составления суда присяжных... Нам кажется, что люди, говорящие подобные вещи, не имеют малейшего понятия о составе присяжных, об их назначении, о способе произнесения ими своего обвинительного или оправдательного вердикта. Присяжный не обязан обладать ни особенным образованием, ни знанием юридических тонкостей, ни имущественным независимым положением. С понятием о присяжном неразделимы только два понятия: честности и здравого смысла. Каждый гражданин, несмотря на его общественное положение, не лишенный здравого смысла, и не опороченный судом, выражает на основе одного своего личного убеждения мнение о деле, он произносит только да или нет... Не нужно забывать при этом, что судья каждый раз наставляет присяжных, в кратком обзоре представляет им все возможные стороны решения, говорит о последствиях их обвинительного или оправдательного вердикта, и таким образом, дает им все данные для решения дела не только по совести, но и по знанию. Таким образом, каждый народ, живущий государственной и общественной жизнью, созрел для того, чтобы иметь элементы для составления суда присяжных... Нет причин думать, что и Россия не принадлежит к числу человеческих обществ, которые могут быть судимы не по произволу отдельных личностей, назначаемых исключительно правительством» [8, с. 38].

Этот пространственный панегирик суду присяжных, опубликованный Л.П. Блюммером, юристом по образованию, ясно характеризует стратегическую общественную линию журнала – создание в России правового общества. Это движение общественной мысли особенно необходимо в середине 1860-х гг., поскольку именно тогда судебной системой России выносятся приговоры наиболее ярким фигурам общедемократического движения в стране. «Европеец» информирует своего читателя об этих процессах. В письмах корреспондентов из России в журнал приводятся следующие строки: «...Я вам должен сообщить, к сожалению, что Серно-Соловьевич непременно будет приговорен к каторжной работе и на продолжительный срок. Еще одного хорошего, честного человека обрекают на гибель!» [7, с. 30]. В данной заметке говорится о процессе над Н.А. Серно-Соловьевичем, обвиненным полицией императорской России в создании тайной революционной организации «Земля и Воля». Н.А. Серно-Соловьевич был известен в кругах российского общедемократического движения как сторонник либеральных идей. Поэтому «Европеец» не смог не связать на своих страницах по поводу своеобразного понимания в России термина «либерализм»: «...Гн. Катков задал себе удивительный вопрос: в чем состоит либерализм?... Либерализм, по мнению г. Каткова, обозначает право неестественно способствовать ссылке в Сибирь людей, убеждения и действия ко-

торых вам не нравятся» [4, с. 18]. Здесь необходимо отметить, что подобное понимание либерализма встречается в российской истории не только у господина Каткова.

Исходя из вышеприведенных суждений о либерализме, состояние умов в России видится «Европейцу» как процесс дальнейшей унификации и примитивизации. Характеризуя содержание российских газет, редакция эмигрантского журнала приводит нелицеприятную оценку отечественной журналистики. «Бедность статей в русских газетах за текущий год изумительна...За исключением "Московских ведомостей", которые имеют некоторую цель и служат органом известных интересов, все прочие газеты относительно безжизненные, питаются перепечатками из иностранных газет, высочайшими конфирмациями и театральными сплетнями... Неудивительно поэтому, что наша журналистика лишена почти всякого влияния на русское общественное мнение, и что г. Катков сделался идолом провинциального большинства» [4, с. 13]. Эти настроения российской общественности становятся почвой, на которой происходит возвращение процесса торможения реформ в стране. Начавшееся господство пошлости в общественной жизни России лучше всего иллюстрирует графа журнала «Европеец» – «Письма из России». В этом разделе помещаются живые отклики на атмосферу общественного бытия Отечества. «...Наш мир – есть мир грошовых людей, с созерцанием конных заводчиков...Все наши лучшие стремления остаются бесплодными утопиями; чуть начнешь применять их к практической жизни, тот час же видишь, что они неприемлемы, вследствие чего является апатия..., а дальше либо впадаешь в общую колею, или совершенно выходишь из нее, не зная куда себя девать, что делать с собою» [5, с. 10]. Таков общий психологический фон, на котором в России начался спад общественной активности.

Этот спад характеризовался различными тенденциями. В частности, в среде русской эмиграции постоянно циркулировали слухи о скорой отставке с поста генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя А.А. Суворова (последний многими группировками русского демократического движения прочился в будущие лидеры оппозиционного движения в России). В редакционной статье «Европейца» приводятся следующие выражения: «...Мы будем искренне сожалеть о князе Суворове...В административных сферах вряд ли есть достойные приемники гуманного внука воинственного деда. Притом отставка кн. Суворова будет знаменательна в двух отношениях: во-первых, как указание на новую силу реакционной дворцовой партии; во-вторых, как новое доказательство невозможности держаться в правительстве независимым личностям. Общественное мнение западной Европы знает и уважает кн. Суворова; в нем и в посланнике при бельгийском дворе, кн. Орлове, оно видит представителей лучших элементов высшего слоя русского общества. Поэтому от-

ставку теперешнего петербургского генерал-губернатора западная прес-са примет в высшей степени неблагоприятно» [6, с. 13].

Судя по публикациям, можно судить о желании Л.П. Блюммера каким-то образом воздействовать на политические настроения при императорском дворе России, сделать через свой журнал попытку общественного давления на власть, апеллировать к общественному мнению Европы. Издатель «Европейца» как бы обращает внимание Александра II на низкий уровень «имиджа» России в Европе и на тех представителей царской администрации, которые могли бы этот «имидж» поднять. Но эти старания прогрессивной отечественной журналистики оказались напрасны, в 1866 году последовали отставки А.А. Суворова и кн. Н. Орлова со своих постов.

Резюмируя общий настрой статей «Европейца», можно сделать обобщающий вывод: Л.П. Блюммер явно стремился продолжить в своем новом издании ту же линию, что и в предыдущем своем журнале «Свободное слово». Сущность этого направления – инициировать в общественных кругах России создание своего рода «либерально-консервативной партии». Цель этой предполагаемой «партии» – обеспечение продолжения в России политики реформ, направленной на учреждение в системе государственного управления представительских институтов и свободное развитие предпринимательства. Но весь этот процесс, по мысли редакции «Европейца», должен проходить под патронажем конституционной монархии, построенной по образцу германских государств. Публикации в «Европейце» явно намекают на необходимость политической организации в России «просвещенного консерватизма», на актуальность пути политической эволюции государственного управления страной. В этом своем желании Л.П. Блюммер несколько расходится с издателями «Колокола». А.И. Герцен и Н.П. Огарев в № 180–181 «Колокола» помещают заметку, посвященную «Европейцу», в которой отзываются об издании Л.П. Блюммера следующим образом: «Характер журнала еще не очень определен. Эпиграф его "Добро через правду!" больше добрый, чем резкий. По одному месту судить о том, что "Европеец" считает за добро и что за правду мы не беремся...Мы не хотим быть европейцами, для нас поздно, мы хотим быть русскими и только русскими» [9, с. 1419].

Эта рекламация «Колокола» в адрес «Европейца» не осталась без ответа. Последний в своей редакционной статье поместил свое видение проблемы взаимоотношений двух редакций. «...Лондонские редакторы написали, как кажется, свою иерамиду потому, что в письме нашего петербургского корреспондента об утрате Герценом общественного влияния вследствие положительного разлада его с общественным мнением России...Они говорят, что "такт равняется измене, уступка и компромисс безнравственны". И все это свалилось на нашу голову, бог ведает, ради каких причин, – ради правдивого указания на факт упадка влияния

А.И. Герцена. Мы ли виноваты в этом упадке? мы ли ему способствовали?...Колокол довольно часто пишет ультиматумы...Каждый журнал, как мы думаем, издается не для одной потехи редактора и его сотрудников, а для проведения тех идей, которые положены в основание журнала, составляют его добро и правду. Цель всякого литературного издания состоит в общественной пользе, понимаемой всеми более или менее одинаково. Не отступая от раз принятой программы, но видоизменяя по мере надобности ее формулы, публицист, обладающий тактом, идет рука об руку с общественным мнением страны и направляет его мало-помалу на дорогу правды и чести...Из фактов мы убедились, что деспотическое, начальственное отношение журналиста к читающей публике только вредит обеим сторонам...Мы стоим под прежним знаменем свободы и просвещения и, желая быть людьми и европейцами, не перестаем быть русскими» [5, с. 21].

Эта полемика между двумя эмигрантскими изданиями русской прессы весьма показательна для определения их идеологических позиций. «Колокол» после Польского восстания 1863 г. все более радикализировался в своих публикациях. Л.П. Блюммер в своих изданиях «Свободное слово» и «Европеец» в 1862–1864 гг. стремился к пропаганде умеренных взглядов в российском обществе. Здесь следует отметить, что характер всех публикаций журналов, издаваемых Л.П. Блюммером, указывает на скрытую, но четко прослеживаемую цель, – составить определенную конкуренцию «Колоколу», расширить диапазон вариантов реформирования российской политической системы, увеличить количество сторонников легальных форм борьбы за обновление России. Эти попытки конкуренции были верно поняты как А.И. Герценом, подвергавшим критике те или иные публикации Л.П. Блюммера, так и П.В. Долгоруковым, издателем ряда журналов русской эмигрантской прессы. Причем последний распространил среди эмигрантской общественности легенду о связях Л.П. Блюммера с III отделением. Только Н.П. Огарев сочувственно отнесся к деятельности Л.П. Блюммера. В частной переписке Н.П. Огарева имеются такие строки: «...На днях пришел ко мне Блюммер, редактор Свободного слова, он отделился от Долгорукова, оказался теперь в Лондоне...Отправился в Дрезден быть редактором нового русского журнала «Европеец». Журнал этот будет в управлении Блюммера и надеюсь на его успех» [1, л. 17–17об.]. Но общественно-политический успех у «Европейца» был недолгим. В конце мая 1864 года издание журнала прекратилось из-за финансовых проблем.

**Заключение.** Значение Л.П. Блюммера, как одного из деятелей русского демократического движения, лучше всего иллюстрирует тот факт, что 25 октября 1863 г. царское правительство направило за границу вызов в Россию на суд следующим деятелем русской эмиграции: А.И. Герцену, князю П.В. Долгорукову и Л.П. Блюммеру [1, л. 35]. Правительство царской России видело значение пропагандисткой деятель-

ности Л.П. Блюммера как революционной. Сам император Александр II распорядился в отношении судьбы Л.П. Блюммера следующим образом. «Государь император Высочайше изволит поступить с Блюммером по закону», – гласил рескрипт личной канцелярии Его Императорского Величества [1, л. 36–37]. На Л.П. Блюммера было заведено дело в Санкт-Петербургском уголовном суде, куда были доставлены четыре номера его нового издания «Европеец». От III отделения судебные органы попросили характеристики журнала «Европеец». Ответ III отделения содер­жал следующие характеристики: «Журнал "Европеец" того же преступного направления, как и журнал его "Свободное слово"». На наш взгляд, все вышеизложенные высказывания царских жандармов носят исчерпывающий характер для уяснения роли и места Л.П. Блюммера в русском освободительном движении эпохи начала 1860-х гг.

Вероятно, источником подозрений в отношении Л.П. Блюммера со стороны радикальных кругов русского общества служат связи последнего со многими видными представителями русской политической элиты. Издатель «Свободного слова» в своей деятельности опирался на содействие высоких покровителей. К таковым в первую очередь следует отнести уже упоминавшегося князя А.А. Суворова, потомка великого полководца. Князь А.А. Суворов выхлопотал для Л.П. Блюммера заграничный паспорт с длительным сроком пребывания за границей. Впоследствии за опального издателя хлопотал посол России в Бельгии князь Н. Орлов, просивший «простить заблудшего кандидата прав». О субъективных причинах неприязненного отношения русской общественности к деятельности Л.П. Блюммера можно судить из частной переписки последнего с сестрой. В одном из своих писем, перлюстрированных III отделением, Л.П. Блюммер так характеризует свои отношения с отечественной литературной общественностью: «Ты знаешь, что вся литературная и не литературная сволочь всегда была против меня, что либеральные юродствующие господа всегда относились ко мне с ненавистью... Меня не любят потому, что я не люблю кланяться кому бы то ни было. Меня готовы подозревать, потому что я слишком просто отношусь ко всему... В Дрездене типография отказалась печатать журнал потому, что я пишу слишком свободно» [1, л. 118]. В 1865 г. Л.П. Блюммер возвратился в Россию. Император Александр II приказал, чтобы дело о Л.П. Блюммере было рассмотрено в обыкновенном порядке [1, л. 37]. Выписка из приговора Санкт-Петербургского уголовного суда в отношении Л.П. Блюммера гласит: «Был приговорен к ссылке на постоянное житье в Томск». Находясь в ссылке в Сибири, Л.П. Блюммер прожил несколько лет на Алтае, где написал роман под названием «Около золота» (другое название «На Алтае»). В 1868 г. Л.П. Блюммер был направлен на поселение в Воронежскую губернию. Впоследствии до конца жизни продолжал заниматься издательской деятельностью в Саратове.

---

**Список источников**

2. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 110. Л. 118.
3. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 36. Ч. 6. Л. 1.
4. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 1.
5. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 2.
6. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 3.
7. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 7.
8. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 8.
9. Журнал «Европеец». Дрезден, 1864. Фонд редкой книги РГБ. № 10.
10. Журнал «Колокол». Лондон, 1864. № 180–181.
11. *Колупаев Д.В.* Конституционно-общественное движение в России на рубеже 1850–1860 гг. Барнаул, 2003.

**References**

1. GARF. F. 109. Op. 37. D. 110. L. 118.
2. GARF. F. 109. Op. 37. D. 36. Ch. 6. L. 1.
3. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 1.
4. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 2.
5. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 3.
6. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 7.
7. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 8.
8. Zhurnal «EvropeeTS». Drezden, 1864. Fond redkoi knigi RGB. № 10.
9. Zhurnal «KolokoL». London, 1864. № 180–181.
10. *Kolupaev D.V.* Konstitutsionno-obshchestvennoe dvizhenie v Rossii na rubezhe 1850–1860 gg. Barnaul, 2003.

Статья принята к публикации 18.05.2022/  
The article has been accepted for publication 18.05.2022.

Информация об авторах:

**Дмитрий Владимирович Колупаев**, профессор кафедры истории государства и права, доктор исторических наук, профессор  
**Владимир Юрьевич Инговатов**, заведующий кафедрой философии и социологии, доктор философских наук, доцент

Information about the authors:

**Dmitry Vladimirovich Kolupaev**, Professor at the Department of History of State and Law, Doctor of Historical Sciences, Professor  
**Vladimir Yurievich Ingovatov**, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

